

## Глава 2

# Кто придумал материнский инстинкт?

Примерно тогда же, когда Мими Найлз стала молодой матерью, у женщины, что жила этажом выше в многоквартирном доме в Нью-Йорке, появилась двойня. Они пересекались то в холле, то на улице, и Найлз спросила соседку, как та справляется. Найлз помнит, как услышала в ответ: «Замечательно. Я так счастлива».

Найлз была потрясена. Она отнюдь не чувствовала себя замечательно. Она мало спала и много рыдала. Ей с трудом удавалось понять, чего хочет ее дочь. Она рожала дома с помощью акушерки. Она кормила грудью, практиковала совместный сон и как можно чаще носила ребенка в слинге. Она выросла в индусской общине, где приветствовали боль и страдания как основу жизни, а мать то и дело рассказывала ей истории о своей акушерской практике в Индии до того, как они с мужем переехали в Нью-Йорк. Найлз готовилась сама стать акушеркой. Открытие, связанное с тем, что материнство — такая сложная штука, в равной степени поразило и разозлило ее. Она ждала совсем другого.

Приподнятое настроение соседки наверняка только маска, думала Найлз. Как это может быть правдой? «Ерунда, — говорила она сама себе, — это состояние мучительно». Однако и в тот момент, и позже Найлз чувствовала, что таким ощущениям — неудовлетворенности и мучению — нет места в общественном видении материнства. К тому времени, когда ее дети стали подростками, Найлз уже больше десяти лет заботилась о роженицах в бруклинском Woodhull Medical Center. Она получила докторскую степень как медсестра и начала изучать вопрос обособленности рожениц и того, как акушерская практика способна наилучшим образом служить маргинализированным социальным группам. Найлз поделилась со мной, что видит роды и родительство как процесс преобразования — трудный и мощный, как возможность осознать полноту возможностей твоего тела и твоего умения строить отношения. Именно это она говорит

всем беременным, всем пациентам и всем друзьям. Но ей также известно, что это преобразование часто ограничено культурными ожиданиями, сосредоточенностью на материнской способности уложить ребенка спать, делать все, чтобы он был тихим и довольным, при этом самой хорошо выглядеть и хорошо себя чувствовать — чувствовать себя «замечательно». Важно, чтобы у тебя был «хороший ребенок» и чтобы все связанное с ним делалось независимо, в рамках конкретной семьи.

«Неужели за машиной прячется волшебник? — сказала Найлз. — Потому что это кажется неестественным. Эта мысль не оставляет меня».

В некотором смысле за машиной действительно прячется волшебник — человек за ширмой. На самом деле множество людей.

Возьмем, к примеру, Чарлза Дарвина — в данном случае не первого и не последнего человека за ширмой, но вожака стаи. Образ матери имел на его жизнь сильное влияние<sup>46</sup>: его собственная умерла, когда ему было восемь, а всю его взрослую жизнь рядом была Эмма, его жена и мать их десяти детей. Он считал ее побудительной силой, человеком, который подтолкнул его в 1859 году опубликовать его эпохальный труд «О происхождении видов». Трудно понять, почему при таких условиях Дарвин отводил столь малую роль матерям, когда дело касалось их места в его научной теории и среди социальных существ, которых он изучал.

Теория эволюции перевернула мировой взгляд на человеческую природу и вопросы половой принадлежности. Дарвин исследовал, как половой отбор формирует будущее биологических видов, но практически полностью игнорировал родительскую роль, когда выбор партнера уже принес свои плоды. Вместо этого в рамках своей революционной работы он систематизировал древние идеи о подчиненном положении женщин, предназначение которых заключается в вынашивании потомства и безусловном самопожертвовании. «Какое сильное чувство<sup>47</sup> внутреннего удовлетворения должно понуждать птицу, полную энергии, день за днем высидывать яйца», — писал он в «Происхождении человека». Забудьте про голод, который она испытывает, про тревогу из-за количества ртов, которые ей придется кормить, про хищников, от которых нужно отбиваться. Забудьте про вызванное бесконечной неподвижностью ощущение слабости в том месте, где крыло соединяется с телом.

За долгую историю идеализирования материнства мысль о том, что самоотречение и нежность, которых ребенок требует от взрослых, встроены в биологию женщин — и только женщин — относительно нова. Ее пестовали мужчины, которые укореняли образ матери такой, какой она должна быть, отводя всеобщее внимание от того, какой она является на самом деле. Они еще называли это наукой. Сегодня мы обладаем более широким, более великодушным пониманием того, что значит быть родителем и кто способен играть эту роль, однако идея, что материнский инстинкт — это научный факт, разрослась и пустила корни повсюду. И это невзирая на все старания феминисток опровергнуть подобные убеждения с того самого момента, когда их стали обсуждать в обществе. Наследие идеи материнского инстинкта продолжает формировать политические и личностные взгляды на то, что матери делают и что чувствуют. Что им следует делать и что следует чувствовать. Оно диктует также, как должен действовать всякий человек, вовлеченный в воспитание ребенка (включая тех, кто его не вынашивал), оно формирует мотивацию людей, создающих законопроекты, которые, в свою очередь, влияют на молодые семьи.

Нередко в некоторых частностях мы воспринимаем материнский инстинкт как пережиток прошлого, однако отринуть его целиком трудно. Мы видим подтверждение ему в той сильной любви, которую матери испытывают к своим детям, в желании наводить уют, когда близятся роды. Поколение за поколением матери заботились о детях. Нечто подталкивает их делать это. Если не присущий женщине инстинкт, тогда что? Идея материнского инстинкта удобна. Она романтична и полна умиротворения, она обещает любовь с первого взгляда и уверенность в естественном ходе вещей, а это успокаивает перед лицом неизвестности. Даже мысль о том, что это врожденное стремление может подорвать женщину, оставив ей лишь «мамский мозг», кажется неприятной, но правдой.

Именно так теория материнского инстинкта и призвана работать: использовать трудные эмоции женщины, связанные с собой, детьми и обществом, чтобы заставить ее соответствовать определенной модели. Это классический случай дезинформации. Идея, наделенная иллюзией правдоподобности, повторяется снова и снова, несмотря на очевидность обратного, пока вера в нее не становится автоматической. Чтобы понять, насколько важно

переписать историю о становлении матерью, понять, насколько фундаментально и необходимо изучение родительского мозга, нужно осознать, как сильно укоренились в нас старые представления — глубоко ошибочные, основа которых лежит не в науке, а в предубеждениях.

\*\*\*

Может показаться, будто матерей почитали все то время, что человечество воспроизводит потомство: мать — королева дома, хранительница семейного очага, создательница печенья с шоколадной крошкой. Но так было не всегда. Большую часть истории, о которой мы имеем представление, социальный статус матери повышался и понижался в зависимости от того, каким методом — кнутом или пряником — власть имущие предпочитали регулировать роль женщины. В некоторых сообществах матерей запирали в домах, не приветствовали их появление в общественных местах и участие в политике, в то время как в других считали воплощением лучших черт человеческой природы. В книге *The Myths of Motherhood: How Culture Reinvents the Good Mother* («Мифы о материнстве: как культура заново формирует образ хорошей матери») психолог Шари Тюрер отметила, как утробу поочередно то превозносили в качестве источника плодovitости и обновления, то низводили до простого сосуда для отцовских наследников и считали причиной истерии. Кормление грудью представляли то как источник женской силы, то как задачу, которую те, кто мог себе это позволить, предпочитали перепоручить кормилице — выбирал ее и оплачивал ее услуги отец ребенка, чтобы мать могла либо снова зачать, либо вернуться к своим светским обязанностям. Материнская любовь как таковая воспринималась либо как удушливая и вредоносная, либо как чистая и святая.

Современные взгляды на материнство сформировались образами двух женщин. Одна из них — Ева<sup>48</sup>, первая женщина, созданная из ребра Адама и съевшая запретный плод, тем самым она навлекла страдания на всех будущих представителей человечества. Вторая — Дева Мария, невольная участница великого чуда, ставшая наиболее добродетельным символом материнства из существующих; при этом ее собственная жизнь и ее поступки полностью подчинялись величию ее материнской любви. Меня воспитали в духе католицизма, и я часто задаюсь вопросом, что было бы, если бы в Библии Марии отвели место для ее собственной

точки зрения. Как изменилась бы религия, какова была бы расстановка сил — в моей семье и мировой истории в целом?

Для многих женщин Дева Мария является источником уверенности, наставником в материнстве. Однако история Марии — недостижимого идеала добродетели — вкупе с историей Евы — образа извечной подчиненности — создала нравственную модель материнства, которая лишает воздуха и не прощает ошибок. Эта модель сделала женщин собственностью их мужей и лишила элементарных прав. Она же позволила подвергать женщину бичеванию и обвинению в ведьмовстве, если та не могла иметь детей, или обрекала на жизнь, сплошь состоящую из беременностей и грудного вскармливания, если женщина была плодовита. Она связывала судьбу женщины — в этом мире и в загробном — с ее репродуктивными возможностями и тем, насколько женщина соответствовала недостижимому идеалу.

Между тем в разные времена и в разных культурах религиозный статус матери не был целиком самоограничительным. От древнего Израиля<sup>49</sup> до первых американских колоний женщины воспринимали свои трудности, связанные с беременностями и воспитанием детей, как судьбу, божественное предначертание. Однако напрасно женщин идентифицировали столь однозначно, столь узко. Дом в то время был местом и для производства, которое позволяло семье зарабатывать деньги, и для политики, и для обучения, и для религиозной деятельности. Будучи хранительницами очага, женщины выходили далеко за рамки исключительно материнских обязанностей.

У белых женщин<sup>50</sup> в колониальной Америке было слишком много детей. Женщинам и их семьям постоянно угрожали болезни и голод, так что мать не могла целенаправленно заботиться о ком-то одном. «Материнство подразумевало скорее обширную ответственность за целый комплект детей, нежели сосредоточенное посвящение себя конкретному ребенку», — писала обладательница Пулицеровской премии, историк Лорел Тэтчер Ульрих в своей книге *Good Wives: Image and Reality in the Lives of Women in Northern New England, 1650–1750* («Хорошие жены: образ и реальность в жизни женщин на севере Новой Англии в 1650–1750-е годы»). Материнство было «скорее экстенсивным, чем интенсивным». К тому же приходилось заниматься другими важными делами: готовить хлеб, сыр и пиво, ухаживать за садом, поддерживать огонь для готовки и обогрева, присматривать за слугами

и помогать соседям, когда у тех родится ребенок или нагрянут тяжелые времена. Женщины давали советы своим мужьям<sup>51</sup> по части политики и участвовали в типично мужской работе в качестве «мужезаместителей» или подручных в деловых вопросах, что вкупе, как писала Ульрих, наделяло их властью, которую историки часто недооценивали.

Конечно, история материнства не линейна. Пока белые «мужезаместители» разводили огонь, другие женщины, живущие на земле, ставшей Соединенными Штатами, испытывали на себе нравственные принципы, применяемые к их опыту материнства, совершенно иначе.

Среди коренных жителей<sup>52</sup> Северной Америки роль матери различалась до такой степени, что ей невозможно дать простого определения, однако зачастую она ассоциировалась с властью и признанием, а материнское тело считалось синонимом созидания (когда-то такое благоговение испытывали все ранние человеческие сообщества на земле). Начнем с того, что многие аборигены не рассматривали половую принадлежность как нечто устойчивое и категорическое — и многие не делают этого до сих пор, — следовательно, гендерные роли были в целом более гибкими и имели равную ценность. Некоторые выбирали своего вожака среди матерей племени, писала в своем эссе *Giving Life to the People* («Подарить людям жизнь») Ким Андерсон, изучающая быт коренных жителей. Когда белые христианские колонизаторы захотели избавиться от местного населения или ассимилировать его, они целились в семьи. Детей забирали у родителей и отправляли в закрытые школы, где девочек учили навыкам ведения домашнего хозяйства, а мальчиков — работе на ферме и торговле. Этот процесс, включая насильное отделение от семьи, осуществляли в основном белые женщины<sup>53</sup>. Многие из тех детей так и не вернулись<sup>54</sup>. Женщин лишили их ореола духовных лидеров. Традиционные ритуалы, воспевающие материнство, ушли в тень. «Бог-отец» взял верх над «матерью-созидательницей», — писала Андерсон.

Чернокожим женщинам, ставшим рабынями<sup>55</sup> в колониях и молодой Америке, не давали передышки от тяжелого труда после рождения детей. Кроме того, положение усугублялось тем, что они часто рожали от своих поработителей и насильников, а затем наблюдали, как их детей продают или вынуждают работать наравне с матерью под страхом наказания розгами. К ним

относились как к «племенному скоту» и продавали как коров. Это было особенно характерно для 1820-х годов и периода после них, когда производство хлопка на юге распространилось западнее, частично для того, чтобы обеспечить развивающуюся текстильную промышленность Новой Англии. К тому моменту конгресс уже запретил участие США в международной работорговле, поэтому имеющиеся рабыни были единственным средством для увеличения масштабов рабочей силы, и женщина, показавшая себя плодотворной матерью, ценилась на аукционе гораздо выше прочих. Тем не менее в рамках своих семей матери оставались созидательницами домашней жизни, которую они часто строили наравне с мужчинами, писала Анджела Дэвис в книге «Женщины, раса, класс». В противовес окружению, призванному превратить их во второсортное стадо рабочих единиц, писала Дэвис, они создавали большие семьи, поддерживали традиции и организовывали восстания.

С конца восемнадцатого и весь девятнадцатый век два значимых события влияли на идеал материнства, существовавший среди белого населения в Северной Америке и Европе. И это влияние вызвало далеко идущие последствия для всех матерей. Одно из этих событий было спровоцировано Дарвином. Но до того грянула промышленная революция. Она изменила суть домашнего уклада<sup>56</sup> и тем самым чрезвычайно повлияла на роль женщины. Индустриальная экономика погнала людей с ферм на фабрики. Она отделила работу от дома, общественную жизнь от частной. Дом уже не был местом экономического производства, он стал местом потребления. Дом стал священным<sup>57</sup>, «местом, “где пребывает душа”, а также, в своем высшем проявлении, очагом близости, умиротворения, непосредственности и незыблемой преданности людям и принципам за рамками своей самости», писала Тюрер. Важность этого места росла по мере того, как капитализм направлял работу<sup>58</sup> и политику на достижение личного первенства и создавал карьерную лестницу для человека, «который сделал себя сам». Семья рассматривалась как опора для такого рода саморазвития. «Та обстановка, в которой преобладали взаимная связь, неподвластная вычислениям обоюдность и обмен подарками, место, где люди учились сдерживать свои честолюбивые общественные устремления и соревновательность с учетом частных интересов членов семьи», — писала историк Стефани Кунц в книге *The Way We Never Were: American Families and the*

Nostalgia Trap («Какими мы никогда не были: американские семьи и западня ностальгии»). Женщина защищала это убежище от всего, что могло пойти не так во внешнем мире. Ее нравственный долг стал значимее, в то время как роль в обществе стала незаметной.

Эпоха Просвещения<sup>59</sup> и гендерная дифференциация, к которой она привела, уже заложили фундамент подобного разделения сфер влияния. Детей впервые начали считать детьми, а не уменьшенной копией взрослых, и они вдруг стали полны не первородного греха, а потенциальной добродетели. Им требовались любовь и забота, к которым женщины, как было принято думать, склонны от природы. Мужчины и женщины были различны. Женщины — источник нравственности и стабильности, связанной с предсказуемым циклом способности к зачатию. Материнство считалось центром их существования. Отклонение от этой роли<sup>60</sup> воспринималось как нарушение естественного хода вещей. Так что мужчины ходили на работу, чтобы получать деньги на покупку товаров, которыми когда-то они обменивались или которые раньше производили вместе со своими женами. А женщины оставались дома.

Многие, правда, этого не делали. Заинтересованные в стабильной зарплате и привлеченные возможностью поддерживать свои семьи, молодые свободные женщины отправлялись работать в города, где росло число фабрик. Замужние тоже шли работать, хотя историки часто упускают и умаляют их вклад в общую рабочую силу. Внимательное ознакомление<sup>61</sup> с данными переписи в Англии показало, что от одной трети до половины всех работающих женщин в Лондоне конца девятнадцатого века составляли замужние или вдовы, и схожие цифры были характерны для более удаленных от центра городов.

Отдельно экономист Клаудия Голдин<sup>62</sup> рассмотрела тенденции в сфере труда в семи южных городах США, которые быстро росли после официальной отмены рабства. Исследовательница обнаружила, что более трети замужних чернокожих женщин работали в 1880 году, — эта цифра примерно в пять раз больше, нежели среди замужних белых. Число работающих чернокожих матерей с маленькими детьми также было высоко, даже по сравнению с числом белых матерей, находившихся в том же материальном положении. Голдин относила это различие на счет множества факторов, включая тот, что для черных женщин зарабатывание

денег было не постыдным, а необходимым занятием, подстраховкой на случай разного рода непредвиденных обстоятельств, с которыми белым не приходилось сталкиваться. Например, с неравноправием в обеспечении жильем и с тем, что мужчины в семьях чернокожих женщин испытывали на рабочих местах еще большую дискриминацию, чем они сами.

Викторианское представление о женщине как о «домашнем ангеле»<sup>63</sup> для многих отнюдь не было реальностью. Ни в Лондоне тех времен, ни где бы то ни было еще. Кунц пишет, что в Соединенных Штатах семьи среднего класса значительную часть девятнадцатого века уделяли больше времени воспитанию детей, — в частности, потому, что могли позволить себе нанимать помощников, обычно молодых иммигрантов. Во всякой семье среднего класса<sup>64</sup>, «что оберегала жену и ребенка внутри семейного круга, работали ирландская или немецкая девушка, драившая в этом доме полы, уэльский парень, который добывал уголь, чтобы подогреть домашнюю выпечку, чернокожая девушка-прачка, чернокожие мать и ребенок, собиравшие хлопок, из которого потом делали одежду для семьи, и еврейская или итальянская девочка, что на предприятии каторжного труда шила дамские платья или делала искусственные цветы, которые семья могла купить».

Как бы то ни было, этот далекий от действительности идеал «домашнего ангела» имел глубокие и долгоиграющие последствия для работающих матерей. Он заставлял их начальников<sup>65</sup> — и многих других «оценщиков» — видеть в них второсортную рабочую силу. Эми Вестервельт так пишет об этом в своей книге *Forget "Having It All": How America Messed Up Motherhood — and How to Fix It* («Оставьте надежду “иметь все сразу”: как Америка провалила материнство и как все исправить»): «Наниматели, преимущественно белые мужчины среднего или высшего сословия, считали, что у всех женщин есть мужья, которые содержат их, а потому им можно платить меньше, поскольку доход их всего лишь дополнительный. Тех женщин, что работали, в то время как дома у них оставались дети, они полагали неполноценными, и убеждение это усугублялось расизмом и ксенофобией, если речь шла о цветных или иммигрантках (коими и было большинство)».

Многие мужчины попросту не хотели нанимать женщин<sup>66</sup>. Они не были готовы к свержению патриархальных устоев, царивших у них дома. Кроме того, дешевая женская рабочая сила означала

конкуренцию. Некоторые фабрики держались за счет того, что женщины работали многие часы в опасных условиях за мизерную зарплату. Примерно в начале двадцатого века защитники трудового права выдвинули ряд законов, нацеленных на улучшение условий для работающих женщин, порой недвусмысленно ссылаясь на необходимость защитить нынешних и будущих матерей. Однако, как отмечает Вестервельт, эти «оберегающие» законы вместе с тем сделали женщин менее привлекательными кандидатами в глазах работодателей, поскольку их найм был связан с большими затратами и трудностями. Женщин вытеснили с рынка труда, хотя профсоюзы стремились учредить так называемую «семейную заработную плату» — достаточную для обеспечения жены и детей, оставшихся дома, — в качестве стандарта для белых мужчин из рабочего класса, являющихся членами профсоюзов.

Привязанность женщин к дому долгое время оставалась в интересах государства<sup>67</sup>: чтобы обеспечивать численность, необходимую для построения нации, чтобы контролировать демографию по расе, классу и вероисповеданию, чтобы ослабить политическую оппозицию. В 1839 году пользующийся большим авторитетом преподаватель Фрэнсис Клоуз Английский<sup>68</sup> в своей приходской церкви осудил женщин, объединявшихся в поддержку политической реформы и борьбы за права рабочих. Он сказал, будто они унижают самих себя, становясь политическими агитаторами: «Источник всего вашего общественного влияния — это ваш дом, ваш очаг; он среди ваших детей, он в центре вашей семьи, в узком кругу друзей, с которыми вы наиболее близки. Там вы можете оказывать свое законное влияние, там вы рождены сиять».

В десятилетия, последовавшие после того, как Америка избавилась от британцев, ее основатели активно искали роль женщины<sup>69</sup> в новой нации. Одна особа нашла в себе смелость написать — в эссе, опубликованном в 1801 году под псевдонимом Защитницы Женщин, — что ее полу должны быть дарованы полные гражданские права, включая представительство в церкви и в правительстве. Вместо этого белых «матерей-республиканок» призвали обучать своих детей гражданскому мужеству, формируя тем самым будущее нации. Некоторые женщины видели в этой новой обязанности улучшение своего политического статуса, даже несмотря на то, что домашние стены, за которыми

они оказались, стали от этого только выше. Последствия этого парадокса, писала историк Линда Кербер, будут откликаться весь двадцатый век. И перейдут в двадцать первый<sup>70</sup>.

Идея материнского инстинкта выросла как вера в предопределенные богом различия между мужчинами и женщинами — в их характере и призваниях, в служении семье и служении нации. Вскоре та же самая идея относительно подобающего места женщины была пересмотрена в рамках меняющегося мира — не как вопрос религии, а как истина, подкрепленная наукой.

\*\*\*

Теория эволюции заметно отразилась на традиционных представлениях о гендерных ролях. Наиболее мощным и очевидным влиянием стало то, что она дискредитировала образы Адама и Евы как некоей модели, от которой произошли все мы. Отдельные представители духовенства ответили на эту угрозу, продвигая «мускулистое христианство» с упором на «Бытие». Другие склонились к тому, что эволюция — своего рода дополнение Библии, еще одно доказательство человеческого превосходства и движения к совершенству. Белая элита готова была поддерживать эту идею<sup>71</sup>, как писала историк Кимберли Хэмлин в книге *From Eve to Evolution: Darwin, Science, and Women's Rights in Gilded Age America* («От Евы к эволюции: Дарвин, наука и права женщин в Америке позолоченного века»). Эту идею восприняли как доказательство того, что место белой элиты на вершине было оправдано не только верой, но и законом природы.

Дарвин не стремился развеять библейское представление о закономерном превосходстве мужчин над женщинами. Как раз наоборот. Он попросту перенес фокус с веры на биологию. Дарвин полагал<sup>72</sup>, что именно сильный материнский инстинкт делал женщин интеллектуально слабее мужчин. Женское предназначение — заботиться о других людях, мужское же — соперничать с ними, писал ученый. Если взять это утверждение за основу, то мужчины обладают «высоким превосходством» практически во всем: от органов чувств до разума и воображения. Социальные дарвинисты ухватились<sup>73</sup> за эту мысль как за оправдание непрекращающегося доминирования мужчин, в то время как все больше женщин требовали для себя законного признания. Среди социалдарвинистов был Герберт Спенсер<sup>74</sup>, английский философ, который ввел в обиход фразу «выживание наиболее приспособленных»

и написал, что вынашивание детей стоит женщинам «жизненной силы», оглушая их эмоционально и интеллектуально.

Невзирая на это, защитники прав женщин увидели в теории эволюции определенные возможности<sup>75</sup>, — в частности, потому, что она перенаправляла «вопрос полов» от библейских предков и человеческой души в область биологии с акцентом на репродуктивность. Однако тут появлялись другие трудности. Мужская и женская репродуктивные системы действительно различны. Но прежде женщинам, которые боролись за равное положение в обществе, приходилось противоречить самому богу. Теория эволюции поменяла термины. Теперь им следовало доказать, что «другой» не значит «худший». Наука, пишет Хэмлин, «стала обещанием объективности».

Среди первых дарвинистских феминисток была Антуанетта Браун Блэкуэлл<sup>76</sup>, которая не понаслышке знала о современных ей нарушениях гендерных норм. Она называла себя постоянным оратором по вопросам рабства и прав женщин, пока в 1853 году ее не посвятили в сан священника в конгрегационалистской церкви. Так она стала первой женщиной-пастором в господствовавшей в те годы в США христианской конфессии. Она покинула церковь меньше чем через год, частично из-за кризиса веры, а позже присоединилась к более либеральной унитарной церкви. Когда в тридцать лет она вышла замуж и у нее начали появляться дети — всего их было семеро, но двое умерли в раннем возрасте, — Браун Блэкуэлл больше писала, нежели произносила речи. Права женщин стали главным ее интересом, — в частности, идея о том, что женщина может быть матерью и при этом продуктивно участвовать в общественной жизни.

В 1875 году Блэкуэлл опубликовала книгу *The Sexes throughout Nature* («Мужской и женский пол в природе»), достигнув тем самым еще одного первенства. То была первая феминистская критика<sup>77</sup> теории эволюции, изданная женщиной. Она оспаривала не теорию эволюции как таковую, а ее интерпретацию. Блэкуэлл критиковала великих мыслителей своего времени за неспособность видеть дальше собственного чувства мужского превосходства. Дарвин, писала она<sup>78</sup>, попросту нашел «незаезженный путь к старым выводам» о женской второсортности. Обзор биологические виды<sup>79</sup> сквозь новую призму эволюции, Блэкуэлл, напротив, увидела систему, которая «отдает предпочтение женскому полу»: «В природе самые живучие зародыши и самые

откормленные бабочки принадлежат этому полу; самки пауков достаточно велики, чтобы съесть множество маленьких самцов». Разумеется, мужчины — приверженцы теории эволюции Дарвина смотрели на вещи по-другому, писала она. Согласно ее опыту<sup>80</sup>, «мужчины видят ясно и мыслят трезво, когда продвигают приятные им идеи, в противном случае — ничего подобного».

Наука рассудит, считала Блэкуэлл. В частности, такая наука, в которой заправляют женщины. Она и ее соратницы представляли будущее<sup>81</sup>, где женщины участвуют в научных изысканиях, используя свой жизненный опыт, чтобы выделять наиболее насущные вопросы и развивать свои научные познания для поиска ответов. Это будущее не наступило. По крайней мере, не при их жизни.

Наука торопливо отгородилась от женщин<sup>82</sup>. Изучение биологии и наука в целом превратились в профессию, зарегулированную строгими протоколами и одобренную институтами, вступать в которые женщинам запрещалось. Для феминисток конца девятнадцатого века эволюция означала «свободу от историй про матерей-девственниц и дьявольских искусительниц», писала Хэмлин. Эволюция подсказывала, что становление человека являлось «упорядоченным, понятным процессом», который можно восстановить путем скрупулезных исследований. Однако для мужчин на рубеже веков наука была способом подтвердить существующее положение вещей.

Особенно отчетливо это было видно среди мужчин, писавших теорию инстинкта в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков. Дарвин полагал, что естественный отбор сказывается на инстинктах примерно так же, как на физических характеристиках особей, отдавая предпочтение тем, кто обеспечивает выживание вида. Долгое время считалось, что «низшими» животными преимущественно руководит инстинкт, и, уничтожая границы между ними и людьми, Дарвин поспособствовал изучению вопроса<sup>83</sup> о том, как инстинкты формируют поведение человека.

Когда первые психологи принялись исследовать природу человеческих инстинктов, число явлений, которые можно было бы причислить к таковым, росло. В список Уильяма Джеймса<sup>84</sup>, представленный в 1890 году в его книге *Principles of Psychology* («Основы психологии»), вошли природная склонность к чистоплотности, воинственности, ревности и сексу; к охоте, строительству и лазанию; а также отторжение чуждых людей и чуждых

животных. Дальше шел инстинкт родительской любви, который «более развит у женщин, чем у мужчин» и мгновенно превращает женщину из человека, каким она была, в фигуру, подобную Деве Марии, что требуется законами ее биологического вида. «Презируя всякую опасность, торжествуя над трудностями, преодолевая усталость, — писал Джеймс, — женская любовь предстает во всей своей силе, которую мужчине ни за что не превзойти». Уильям Мак-Дугалл в 1908 году пошел еще дальше<sup>85</sup>, написав, что инстинкт защищать и пестовать своих детей — вкупе с «чувством нежности», которого требует эта задача, — становится «постоянным и всепоглощающим занятием матери, какому она отдает всю свою энергию». Этот инстинкт сильнее любого другого, писал он, «даже самого страха».

По-видимому, сила материнского инстинкта никогда не превосходила силу женской образованности. В той же книге<sup>86</sup> Мак-Дугалл указал, что по мере того, как растет интеллект личности, родительский инстинкт слабеет, если только не сталкивается с «социальными санкциями», которые были введены нравственными институтами, дабы препятствовать использованию контрацепции, разводам и расшатыванию гендерных ролей. Эта тема живо задевала Мак-Дугалла, который впоследствии стал ярким сторонником евгеники и написал откровенно расистскую книгу в рамках этого вопроса. Подтекст его работ<sup>87</sup> о материнском инстинкте лежит в поддержании идеи превосходства белых. Он писал: «...те семьи, расы и нации, в которых он [родительский инстинкт] слабеет, быстро вытесняются теми, в ком он силен».

Как у Дарвина были свои Блэкуэллы, так и у Мак-Дугалла нашлись свои противники<sup>88</sup> — женщины, которые называли материнский инстинкт тем, чем он и являлся: не научной теорией, а социальным инструментом, средством контроля их мыслей и действий. Лета Холлингворт, психолог-первопроходец (которая также придерживалась отдельных постулатов евгеники<sup>89</sup>), в 1916 году обращалась к своим коллегам со страниц *American Journal of Sociology* со словами о том, что женщин вынудили верить, будто их высшее предназначение заключается в материнстве, с помощью тех же способов, какими солдат вынуждали идти на войну. Общественные нормы идеализировали «женственную женщину», которая с энтузиазмом варила в своих материнских обязанностях. Искусство преклонялось перед ней через галереи,

«увешанные Мадоннами». Современные ей законы препятствовали отклонению от этой нормы: они ограничивали контроль женщины в вопросах собственности и денег, что закрепляло ее финансовую зависимость от мужа, и запрещали распространение информации о контрацепции. Кроме того, существовало множество способов сокрыть трудности материнства, табуировать их. Уровень материнской смертности, который в то время был как минимум в шестьдесят раз<sup>90</sup> выше, чем в конце двадцатого века, едва ли оглашался, писала Холлингворт. О рутинности материнских хлопот не упоминали. Зато радости чествовали при каждом случае.

Многие современницы Холлингворт приветствовали уважение к материнству — или, по крайней мере, к идеалу материнства среди белых, — поскольку видели в нем возможность повысить свой социальный статус. Холлингворт написала об этом без обиняков: «Нет никакого очевидного доказательства того, что женщины наделены материнским инстинктом такой всепоглощающей силы, чтобы стремиться к болезненным, опасным и изнурительным родам, необходимым для поддержания высокой рождаемости». Она полагала, что политическим лидерам следует бросить «дешевые методы» и предоставить женщинам справедливую компенсацию за их вклад в «национальный прирост». Результатом такой перемены станет заметная общественная польза, писала она, «если допустить, что возросшее ощущение счастья и собственной значимости женщин в целом будет рассматриваться как общественная польза».

\*\*\*

Удручает, насколько актуальными слова Холлингворт остаются все эти годы, насколько привычным миф о материнском инстинкте стал для людей того времени, как долго он держал свои позиции, со временем еще больше укоренившись в наших представлениях о семье и о самих себе. Антрополог Сара Блаффер Хрди описала надежды дарвинистских феминисток как «дорогу, которой никто не пошел»<sup>91</sup>. Напротив, наши первые суждения<sup>92</sup> о биологии материнства «строились на патриархальных допущениях первых поколений моралистов», писала она в книге *Mother Nature: A History of Mothers, Infants, and Natural Selection* («Мать-природа: история о матерях, детях и естественном отборе»). «Беспристрастные наблюдения выместили желаемое, которое

принималось за действительное». Это желаемое, которое выдавали за действительное, вызвало целую цепочку последствий.

Сегодня ученые признают, что родительское поведение слишком разнообразно, чтобы его можно было объяснить негибким материнским инстинктом. Идея инстинкта<sup>93</sup> в целом спорна по многим пунктам. То, что может выглядеть как исключительно врожденное, на деле обусловлено скрытым воздействием, которое оказывают на гены окружение, обучение, жизненный опыт и уроки, которые — к лучшему или к худшему — усвоили люди нескольких поколений. Естественный порядок вещей куда менее предсказуем. Массовая культура по большей части отринула те старые представления о женственности, на которые ополчилась Блэкуэлл. Мы знаем, что материнство не является ни моральным долгом, ни предназначением, что отсутствие детей не делает женщину несостоявшейся или неполноценной. Но даже когда я пишу эти слова, я сомневаюсь в них. Действительно ли все мы верим в это?

Как бы сегодня мы ни называли материнский инстинкт, его влияние повсеместно. Он пережил<sup>94</sup> эпоху 1920–1930-х годов, когда целое поколение психологов поддерживало мысль о том, что младенцев можно обучать, веря, что обученными «дети становятся, а не рождаются», как назвала это Тюрер, и что женщинам едва ли можно поручить такую задачу. Идея материнского инстинкта возродилась после Второй мировой войны, когда для женщин в Соединенных Штатах закрылись возможности трудоустройства и прекратилось федеральное финансирование услуг дошкольного воспитания. Тогда вновь была озвучена мысль о том, что именно женщины должны быть стабилизирующей силой, дабы позволить человечеству окрепнуть после ужасов войны. Примерно в середине века все больше<sup>95</sup> психоаналитиков, психиатров и специалистов по детскому воспитанию хором объявляли, что материнская любовь столь же важна для эмоционального развития детей, как витамины — для физического.

Британский психоаналитик Джон Боулби<sup>96</sup>, отталкиваясь от работы Лоренца об импринтинге у птиц, создал новую теорию привязанности между матерью и ребенком, которая изменила к лучшему наше понимание раннего детского возраста, но при этом практически полностью проигнорировала более широкий контекст семейной жизни, а также потребности и развитие самих матерей. Теперь не только поведение матери, но и ее материнская

любовь стали неотъемлемыми инструментами для должного становления ребенка. Историк Марга Виседо писала: «Раньше мать могла способствовать или препятствовать развитию возможностей ребенка. Матери могли формировать, контролировать и обучать своих детей. Однако теперь, согласно Боулби, все дети испытывают одинаковую, универсальную потребность в особом рода материнской любви и чувства матери определяют умственное состояние ее ребенка».

В 1990-е годы работу Боулби популяризовали Уильям и Марта Сирс своей теорией воспитания привязанности, которую одни рассматривали как интуитивную и естественную, а другие — как исключительно регламентированную и чересчур требовательную по отношению к матерям. Но задолго до этого вера в материнский инстинкт и неоспоримую ценность материнской любви на протяжении десятилетий питала «просемейных» политиков-консерваторов. Вера эта показала себя эффективной для того, чтобы блокировать<sup>97</sup> множество инициатив феминисток второй волны, стремившихся значительно пересмотреть гендерные роли на работе и дома, а не просто существующее положение вещей в мире, где женщины могли «иметь все сразу». В 1965 году Боулби сказал<sup>98</sup> в интервью для *New York Times*, что единственными людьми, заинтересованными в том, чтобы опровергнуть его теорию о страданиях лишенного материнской любви ребенка, являются коммунисты и деловые женщины, причем последние «попросту пренебрегли своими семьями».

Мы до сих пор ведем неравный бой за все еще скудно оплачиваемый в США отпуск по семейным обстоятельствам, а единое пособие по уходу за ребенком остается чем-то недостижимым. Акт *The Comprehensive Child Development Act* (Акт о всестороннем детском развитии) 1971 года был последней серьезной попыткой добиться учреждения в стране национальной системы дошкольного образования. Президент Никсон отверг инициативу<sup>99</sup>, сказав, что это законопроект, «подрывающий основы семьи», и что государство должно «зацементировать семью в ее закономерной позиции в качестве краеугольного камня нашей цивилизации». Скрытым в этом заявлении осталось понимание естественного места женщины. С тех пор семьи страдают от непомерных затрат на услуги нянь и бесконечных очередей на зачисление в детский сад — проблем, что лишь усугубились с распространением коронавируса, из-за которого огромное число дошкольных

учреждений закрылось или уменьшило пропускную способность. Соединенные Штаты никогда не инвестировали в дошкольную инфраструктуру хоть сколь-нибудь разумно и серьезно, поскольку власти всегда видели заботу о детях как женскую обязанность, обусловленную биологией.

Трудно сказать, что будет дальше. В марте 2021-го<sup>100</sup> группа демократов сената США представила резолюцию, ратующую за «План Маршалла для мам», — этот план включает упрощенный доступ к возможностям дошкольного образования, оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, психологическую поддержку и признание урона, который пандемия нанесла работающим слоям населения и финансовой стабильности женщин, особенно цветных. Буквально за день до того в Айдахо члены парламента отказались предоставить субсидию в размере шести миллионов долларов на поддержку дошкольного образования. При этом один из законотворцев сказал — в выражениях, о которых, как признался позже, жалеет, — что не станет поддерживать инициативы, которые «упрощают матерям возможность выбраться из дома и предоставить другим воспитание их детей». Точно такие же настроения<sup>101</sup> выразил Пат Бьюкенен, комментатор со стороны правых сил и политический советник, когда склонял Никсона отвергнуть законопроект 1971 года. Все это, как попугаи, повторяют противники госинвестиций в политические меры поддержки молодых семей. (Еще в начале 2022 года план президента Байдена «Построить лучше, чем было» (Build Back Better)<sup>102</sup> и около четырехсот миллиардов долларов инвестиций, предусмотренных на развитие доступных услуг нянь и яслей, а также всеобщего дошкольного образования, застряли в сенате на неопределенный срок.)

Вера в материнский инстинкт подстегивает также движения против контрацепции и абортов<sup>103</sup>: мол, для чего женщине ограничивать число детей, если радость материнства заложена в нее природой, а забота о детях — ее главное биологическое предназначение? Это убеждение разделило пути к родительству на «естественные» и прочие. Оно взрастило современную индустрию родительских консультаций<sup>104</sup>, которая наживается на тех родителях, что сомневаются в себе, поскольку не испытывают радости, как на открытках фирмы Hallmark. Оно поддерживает культурные войны вокруг «правильного» воспитания детей и заставляет матерей ощущать себя ущербными, если они, например,

хотят кормить грудью, но испытывают с этим трудности или если роды не проходят как по маслу.

Идея материнского инстинкта долгое время подкармливала дискриминацию в отношении семей, которые не состояли из одной женщины и одного мужчины с как минимум средним достатком. Эта идея поддерживала устаревшие представления о мужественности, которые приучали отцов к мысли, что в качестве помощников и нянек они находятся на вторых ролях, тем самым заставляя и женщин видеть их в том же свете. Эта идея создает иерархию заботы о детях, в которой важность роженицы непреложна вне зависимости от обстоятельств, что зачастую умаляет ценность приемных родителей и других любящих взрослых в жизни ребенка.

Идеал «хорошей матери» никогда в полной мере не распространялся на цветных женщин. Или на женщин, живущих в крайней нужде. Или на любого, кто менее всего соответствует образу «домашнего ангела», потому что вынужден работать или хочет работать. Или на тех, для кого важно, чтобы дети росли в кругу близких и друзей, которые видят дальше своего носа. Или на матерей, от которых, как писала Микки Кендалл в своей книге *Hood Feminism: Notes from the Women That a Movement Forgot* («Избирательный феминизм: записки женщины, о которой Движение забыло»), реалии родительства<sup>105</sup> в обособленной социальной группе требуют, чтобы они не только сохраняли целостность внутри семьи, но и держали оборону перед угрозой депортации, голода, выселения из дома, насилия со стороны соседей, полицейского беспредела, школ с недостаточным финансированием и повсеместного расизма во всех его формах.

Сказка об ангеле затмила множество историй о других способах воспитания детей: когда ты опекун и боец, когда защищаешь семью и возвращаешь свое сообщество. Это особенно характерно для Соединенных Штатов, где идеал материнства пребывает в центре социальной инфраструктуры. «Семья занимает почетное место<sup>106</sup> в американской мечте: для “хорошей семьи” важна успешная карьера, однако с добавочной нагрузкой в виде нравственности и добродетели, — пишет Миа Бёрдсонг, исследующая вопросы семьи и социальных групп, в своей книге *How We Show Up: Reclaiming Family, Friendship, and Community* («Как мы выходим из тени: восстановление семьи, дружбы и общности»). — Согласно стандартам американской мечты, “хорошая

семья” — обособленная, полная, состоящая из официально женатых мужчины и женщины, которые растят своих биологических детей. Такая семья самодостаточна и, будучи таковой, функционирует как независимая единица. Токсический индивидуализм, но в форме семьи как единицы».

Поддерживая идеал материнства белых обеспеченных женщин, идея материнского инстинкта продолжает формировать экономическую и политическую ценность женщины — в индивидуальном порядке и в коллективном. В качестве доказательства достаточно взглянуть на чрезвычайное внимание<sup>107</sup>, какое уделялось числу детей Эми Кони Барретт — а их у нее семеро — во время ее утверждения в качестве члена Верховного суда США в 2020 году. Республиканцы в сенате превратили материнство Барретт в фетиш<sup>108</sup>, поскольку это позволяло сдерживать натиск демократов. Демократы же были обеспокоены тем, что ее назначение угрожало будущему матерей, которым придется беспокоиться о проблемах вроде доступной медицинской помощи, писала в то время в журнале Glamour Лиз Ленц. Это был стратегический ход — иметь на своей стороне мать, особенно такую. Ленц заметила: «Америка давно превозносит такого рода матерей: белых, успешных, идущих в церковь рука об руку со своим мужем, ужинающих в шесть вечера в кругу своих детей».

Всего несколько лет назад главный редактор газеты, в которой я работала, спросил меня и двух других выпускающих редакторов, тоже женщин, действительно ли женщины больше склонны к сотрудничеству на рабочем месте, потому что нам от природы свойственно заботиться о других. На деле это было скорее утверждение, нежели вопрос. Позже я небезосновательно задумалась: не имел ли он в виду под «склонностью к сотрудничеству» готовность приносить идеи, не ставя себе этого в заслугу? Скрытыми и явными способами миф о материнском инстинкте определил место женщины на работе. Благодаря ему в каждой женщине видят потенциальную мать, и он уменьшает ценность всякой матери в глазах работодателя, поскольку дети уже украли у нее сосредоточенность, время и даже интеллект (намек на «мамский мозг» с отсылкой к Герберту Спенсеру).

Разница в оплате мужского и женского труда<sup>109</sup> — реальность, однако по большей части обусловленная репродуктивностью. Матери зарабатывают меньше мужчин и бездетных женщин, причем

не только в первые годы после рождения детей, но и в последующее время, — еще одна тенденция, усиленная пандемией. Это актуально даже в странах<sup>110</sup> с щедро оплачиваемыми отпусками по уходу за ребенком и другими законами в поддержку молодых семей. И это отнюдь не та проблема, которую женщина может решить, просто работая усерднее. Исследования показали<sup>111</sup>, что женщин, которых считают высококомпетентными и крайне приверженными своей профессии, могут осуждать именно за эти качества, считая холодными и эгоистичными, а следовательно, из-за этого им могут платить меньше. В то же время мужчин, особенно тех, кто уже получает высокую зарплату, профессионально поощряют в связи с их отцовством.

\*\*\*

В родильных домах по большей части работают преданные своему делу, полные энтузиазма специалисты, но и они являются частью исторически сложившейся системы, не лишенной расизма и сексизма. Работники медицины предпочитают видеть свою область деятельности объективной, основанной исключительно на науке и доказательствах. «Меньше всего объективности в сферах репродуктивного и сексуального здоровья и дородового наблюдения, — поделилась со мной Мими Найлз. — Ее там просто нет»<sup>112</sup>.

Идея о том, что женщины подходят к материнству подготовленными, сформировалась из представления, будто роды — медицинская процедура, целиком сосредоточенная на появлении здорового младенца. Тот факт, что роженица также испытывает всеобъемлющие биологические и физиологические перемены, зачастую игнорируют или же признают, но оставляют без внимания — и порой это ведет к трагическим последствиям. Уровень материнской смертности в США<sup>113</sup> вдвое выше, чем в большинстве других развитых стран: примерно семнадцать случаев на сто тысяч родов в 2018 году. Для чернокожих женщин риск умереть во время беременности или в течение сорока двух дней после родов в два с половиной раза выше, чем для белых, и эта разница, вероятно, окажется больше, если рассматривать послеродовой период, равный году.

Судя по всему, причиной является сочетание<sup>114</sup> нескольких наиболее неприятных последствий повсеместного расизма. Об этом говорит журналист Нина Мартин и ее коллеги в серии

передач Lost Mothers («Потерянные матери»), созданных коллаборацией ProPublica/NPR. Еще до беременности для чернокожих женщин велик риск физических состояний, которые могут сделать беременность опаснее, например заболеваний сердца и диабетов. Они чаще подвержены осложнениям во время и после беременности, в том числе преэклампсии, сердечной недостаточности и послеродовой депрессии. Они реже располагают медицинской страховкой и чаще рожают в клиниках, появившихся в результате сегрегации, со скудным финансированием и недостаточно высоким уровнем обслуживания. Они сталкиваются с предвзятым отношением со стороны врачей, которые игнорируют их боль и возникшие осложнения, даже если женщины указывают на них. При этом более высокий социально-экономический статус или уровень образования, судя по всему, не защищают их от подобных рисков.

Причем в этом разрезе существует двойная проблема: риск как таковой плюс отсутствие радости. Найлз рассказала мне, что роженицы в обособленных социальных группах (в частности, те, кому в большей степени грозят гестационный сахарный диабет и преэклампсия) воспринимают свою беременность как патологическую. При этом люди, ухаживающие за ними, и специалисты здравоохранения настолько сосредоточены на угрозах для ребенка, что беременность отягчается чувством вины и у женщин даже не остается возможности осознать собственное преображение. «Нужен пример перед глазами, говорящий: “Вот к чему ты можешь прийти”», — заметила она.

Нормализация биологических и психологических — равно как социальных и культурных — процессов для молодой матери является основной задачей акушерства. Один и тот же акушер может наблюдать женщину еще до беременности и вплоть до первых дней материнства, когда большая часть осмотров происходит в поликлинике по месту жительства или дома, а не в больнице. На примере разных стран мира<sup>115</sup> можно увидеть, что акушерское сопровождение может быть доступным и эффективным, что оно предотвращает излишние вмешательства в здоровое течение беременности и дарит женщинам ощущение контроля над ситуацией и удовлетворение от опыта родов. Соединенные Штаты не торопятся восстанавливать акушерство как образец оказания медицинской помощи, каким оно являлось до роста профессиональной сферы родовспоможения, где долгое время

преобладали<sup>116</sup> белые мужчины (а теперь преобладают женщины — в большинстве своем тоже белые).

Нехватка специалистов по охране материнства<sup>117</sup> в целом и акушеров в частности — фактор, который значительно влияет на высокую материнскую смертность в США согласно отчету частной организации Commonwealth Fund за 2020 год. В последние годы в стране на каждую тысячу родов приходилось только четыре акушерки, в то время как во Франции — тридцать, в Норвегии — пятьдесят три, а в Австралии — шестьдесят восемь. В этих странах акушеры не только заботятся о женщинах во время беременности и родов, но и выполняют важную работу, навещая семью в первые недели жизни ребенка: там понимают, что послеродовой период — непростое время. Немецкие роженицы могут рассчитывать на ежедневные визиты акушера в первые десять дней после родов и получить еще до шестнадцати визитов в последующие недели, причем все это покрывает национальная медицинская страховка.

Прибавьте к этому неразбериху в системе американского медицинского страхования<sup>118</sup> и то, что в некоторых штатах люди могут исключить из программы Medicaid примерно через шестьдесят дней после рождения ребенка, тем самым оставив без возможности обратиться за требуемой помощью. (План «Построить лучше, чем было» предполагал распространение действия этой программы на год после родов.) Даже для обладателей хорошей страховки стандартом обслуживания является один визит акушера-гинеколога — один! — примерно через шесть недель после родов. Американская коллегия акушеров и гинекологов ратовала за всестороннюю<sup>119</sup> и более продолжительную медпомощь после родов, отмечая, что традиционный единичный визит через шесть недель «лишь размечает период, лишенный формальной и неформальной поддержки, которую оказывают матерям».

Молодые родители в Соединенных Штатах по большей части предоставлены сами себе после выписки из родового отделения клиники. Многие клиники стремятся включить акушеров в свои медицинские бригады, но до сих пор процесс родов остается «вырванным» из родительского опыта, говорит Найлз. Группы поддержки и домашние услуги рассматривают больше как привилегию, нежели как необходимость. В штате Мэн<sup>120</sup>, где я живу, программа, в рамках которой медсестер направляют в дома молодых родителей, была уничтожена решением губернатора-республиканца

Пола Лепаж. Это стало особенно сильным ударом для представителей сельских общин штата и совпало с резким скачком числа детей и матерей, пострадавших от опиоидного кризиса\*.

В процессе родов тело знает, что делать. Найлз рассказывает женщинам, что они могли бы рожать, стоя на голове или под полной анестезией, а организм все равно делал бы все необходимое для появления ребенка на свет. «Но родительство — совсем другое дело, — говорит она. — Совершенно другое».

В чем именно? Тень материнского инстинкта проскальзывает в наших ответах на этот вопрос, в историях, которые мы рассказываем друг другу, и в том, о чем мы умалчиваем. Поэтесса Холли Макниш<sup>121</sup> на первых страницах своих полных откровенности мемуаров в стихах и прозе демонстрирует скептицизм, связанный с началом родительского опыта: «Никто не сказал, что нельзя будет пользоваться туалетной бумагой. / Никто не сказал, что будешь истекать кровью. / Никто не сказал, что понадобится потайной уголок, / где можно покричать». Эли Вонг выступила со вторым полнометражным стендап-номером<sup>122</sup> *Hard Knock Wife* («Так себе жена»), когда уже родила первую дочь и была беременна второй. Он полон уморительных замечаний относительно неготовности женщины к физическим трудностям родов и к тем глупым комментариям, которые люди отпускают в адрес работающих матерей по поводу грудного вскармливания. «Я думала, меня ждет красивый ритуал единения, точно я сижу на лугу на листе кувшинки, кролики собираются у моих ног, а в воздухе звучит *Somewhere over the Rainbow* в исполнении толстого гавайского мужчины, — говорила она. — Нет! На самом деле все не так. Кормление грудью — это дикий ритуал, который лишь напоминает тебе, что твое тело превратилось в кафетерий. Оно больше тебе не принадлежит!»

В социальных сетях полно публикаций матерей, которые делятся историями своих выкидышей и бесплодия или правдой о том, как выглядит их тело после родов, как изменилось их самощущение, как они потонули в тревоге и монотонности родительства. Часто заметно противоречие между откровенностью текста и лощеностью картинки над ним, как будто нестрашно говорить

---

\* Опиоидный кризис, или опиоидная эпидемия, — растущее число смертей из-за бесконтрольного употребления опиоидных анальгетиков в США в 1990-е годы.  
*Прим. пер.*

правду, если вместе с тем хорошо выглядишь при естественном свете. Однако и в фотографиях появляется все больше откровенности: растяжки и швы после кесарева, слезы и детская отрыжка, реалии сцеживания, неуклюжее кормление, рука, накрывающая ступню малыша, родившегося мертвым. Нередко такие публикации выкладывают, сознательно идя на риск, который грозит любому, кто решится рассказать историю, не соответствующую идеальной картинке материнства.

В феврале 2020 года<sup>123</sup> компания Frida, которая делает продукцию для молодых матерей и младенцев, объявила, что ее рекламный ролик, где женщина вскоре после родов пытается сходить туалет, был запрещен к показу во время церемонии вручения «Оскара», поскольку его посчитали «чересчур натуралистичным». Видео набрало около четырех миллионов просмотров за первые две недели на YouTube. Мы с подругами передавали друг другу ссылку и с изумлением обнаруживали, что ролик заставляет нас рыдать. Сама по себе реклама проста. Женщина включает светильник, тянется, чтобы успокоить новорожденного, плачущего в люльке рядом с родительской кроватью, затем ковыляет в туалет, сгибаясь от боли. Она с трудом справляет нужду и меняет послеродовую прокладку, которую удерживают медицинские сетчатые трусы. Там нет никакого особого развития действия. Все дело в кадре, который воздействует на тебя, потому что он про нас. Всем нам знаком запах прокладок с отдушкой и хлопьяющий звук бутылки с теплой водой для подмывания, страдание и облегчение, острота физической боли против затуманенности от недосыпа и эмоционального хаоса.

Глава компании Frida сообщила New York Times<sup>124</sup>, что Академия\* предложила рассмотреть вариант «более мягкого, более деликатного изображения послеродового периода». Но такое изображение стало бы обманом, еще одним умышленным искажением. Реклама откликнулась в сердцах людей, потому что нам казалось, будто никто не знает, что происходит там, в туалете, где мы одни, точно в открытом море, и только начинаем понимать, как далеко остался берег. И вот мы на экране. Все мы. Всем скопом потерянные.

Как может такая важная часть родительства замалчиваться? Как до сих пор столь важная часть его может считаться

---

\* Американская академия кинематографического искусства и наук. *Прим. пер.*

неприличной? Я представляю эту ситуацию подобно гигантскому билборду, на котором мать, похожая на Деву Марию, мирно отдыхает с пухлым и довольным младенцем на руках. А все вот это — реклама компании Frida, увеличение числа исповедальных постов в соцсетях, брошенный со сцены крик отчаяния Эли Вонг о необходимости отпуска по уходу за ребенком, чтобы матери могли «спрятаться и залатать свое истерзанное тело», — как будто обрывки пестрых граффити, нацарапанные по краям. Но ситуация все еще выглядит угрожающе. Мы научились протестовать против тех частей истории, в которых чувствуем ложь. Но ничем их не заменили. Пока нет.

\*\*\*

Наука о родительском мозге способна отдернуть занавес, обнажив старые предрассудки и устаревшие нормы, показав, как они переплелись с нашими личными и общественными представлениями о матери, о родителях, о семье, — и предложить нечто новое. Однако она сможет сделать это, только если мы усердно будем защищать ее от прежних воззрений, способных разорвать ее на части. Только если взглянем на нее незамутненным взглядом.

В 2019 году группа исследователей опубликовала весьма своеобразные выводы относительно того, как по-разному у самцов и самок мышей распределяются связанные с эстрогеном рецепторы окситоцина в медиальной преоптической области — зоне мозга, отвечающей за проявление заботы у млекопитающих. Исследование опубликовали<sup>125</sup> вместе с пресс-релизом под заголовком «Ученые обнаружили ключ к “материнскому инстинкту”» — слова, которые ни разу не появились в самом документе. В 2017 году в редакционной статье<sup>126</sup> педиатр из Нидерландов сделала обзор части литературы о материнском мозге и, что примечательно, пришла к такому выводу: «Понятие материнского мозга объясняет, почему столько блестящих амбициозных женщин, способных сделать великолепную карьеру, теряют к ней интерес после рождения ребенка. Их новые материнские побуждения идут вразрез с изначальными планами, и многие матери в результате испытывают стресс и разочарование». Кто-то может возразить, что все это объясняется преобладанием патриархальной системы, которая не оказывает необходимой поддержки молодым родителям. Из-за него талантливые женщины выбывают

с профессиональной арены, зачастую сохранив все те же амбиции, только теперь окрашенные горечью.

Нейробиологию уже рассматривали в качестве подтверждения старомодным представлениям о материнской природе, подобно тому, как Дарвин и другие превратили нравственные идеи о материнстве в научные. В других случаях ее отвергали как раз из-за мнимой угрозы прогрессу женщины в обществе.

Когда Хрди, антрополог и приматолог, в 1970 году поступила в магистратуру Гарвардского университета, биологи все еще придерживались мнения<sup>127</sup>, что предназначение матери состоит в том, чтобы «сцеживать молоко и кормить детей». Согласно Хрди, убеждение это было особенно сильным в приматологии, «где изучаемые животные так похожи на нас», а люди более склонны проецировать на них свои убеждения. Вскоре Хрди стала частью первого поколения женщин в своей научной области, у многих из которых также были маленькие дети. Эти женщины снова и снова задавались вопросами, не находящими ответов в эволюционной теории, которой их учили.

Жанна Альтманн вместе со своим мужем Стюартом изучала бабуинов<sup>128</sup> в Кении и признала в них «матерей, ведущих двойную жизнь». Матери-бабуины проводили три четвертых дня, занимаясь тем, что Альтманн назвала «зарабатыванием на жизнь»: они ходили вместе со всей группой в зоны кормления и откапывали клубни и луковицы, параллельно избегая хищников и стремясь удовлетворять нужды своих детенышей. Альтманн хотела разобраться, как они распределяют свое время. Как материнство повлияло на их социальный статус? Как репродуктивная история отражается на их жизни в долгосрочной перспективе? Тем временем антрополог Барбара Смэтс интересовалась целью<sup>129</sup> длительной дружбы, возникающей между самцами и самками бабуинов, а иногда между взрослыми самцами и детенышами, которые не являются их отпрысками. (Альтманн называла таких самцов «крестными отцами».) Смэтс спрашивала себя: для чего этим огромным свирепым бойцам находиться на «женской территории», наблюдая, как те обнимают своих крошечных детей и возятся с ними?

Сама же Хрди принялась задаваться провокационными вопросами<sup>130</sup> относительно лангуров, тонкотелых обезьян. Самцы этого вида иногда убивали детей при явном «пособничестве» со стороны их матерей, которые позже совокуплялись именно

с этими самцами. Какую роль подобные случаи детоубийства могли играть для выживания вида? А если посмотреть на животный мир целиком, что насчет тех видов, у которых матери сами уничтожают потомство или, что бывает чаще, покидают детенышей? Делают ли они это под угрозой голода, или нападения хищников, или для того, чтобы снова свободно совокупляться?

Женские особи, в представлениях Дарвина<sup>131</sup>, обычно сексуально пассивны, выбирают среди самцов, конкурирующих за расположение самки, но в остальном мало влияют на судьбу своего вида. Однако примерно через столетие после трудов Блэкуэлла работа этих женщин-ученых и многих других показала, что мысль о «застенчивости», полной самоотдаче или природной второстепенности женских особей глубоко наивна.

Мало-помалу возник новый портрет<sup>132</sup> матерей-приматов, которые в некотором смысле замышляют свой путь эволюционного успеха и полагаются на других вокруг себя, чтобы достичь желаемого. Матери, как писала Хрди, являются «в той же степени стратегами и управленцами, авантюристами и специалистами по сделкам, манипуляторами и союзниками, что и опекунами». Женское сексуальное и материнское поведение варьируется среди биологических видов и внутри них, формируясь под воздействием разноплановых требований. Материнская забота — не говоря уже о материнской любви — не является автоматической. В рамках этой реальности дети вынуждены бороться за свое выживание, вынуждая родителей заботиться о них.

Если работа Розенблатта лишь приоткрыла дверь, позволяющую ученым свежим взглядом посмотреть на биологическую трансформацию, которую вызывают родительство и то, как родители и их отпрыски воздействуют друг на друга, то работа эволюционных биологов в эпоху Хрди распахнула эту дверь настежь. «Все больше женщин в области эволюционных изысканий меняли науку, — сказала мне Хрди. — Дело не в том, что мы занимались исследованиями как-то иначе. Дело в том, что в науке были мы, а у нас были другие исходные допущения».

Однако работы этих приматологов, в частности Хрди, возмутили отдельных сторонниц феминизма. Через десять лет после выхода ее книги *Mother Nature*, которую Хрди написала в 1999-м и посвятила биологии и поведению матерей и их отпрысков, она написала еще один труд о роли, которую дальние родственники и другие опекуны играют в воспитании детей на протяжении

всей истории эволюции. Французская писательница и философ Элизабет Бадинтер назвала детерминизм, который увидела в работе Хрди, «тошнотворным». В 2010 году Бадинтер опубликовала собственный труд *The Conflict: How Modern Motherhood Undermines the Status of Women* («Конфликт: как современное материнство подрывает статус женщины»)\*, в котором возражает против набирающей обороты теории естественного родительства и «возвращения к традиционной модели»<sup>133</sup>, которую эта теория продвигает в ущерб женской самости. Бадинтер сделала много толковых замечаний насчет скачков логики, которые потребовались, чтобы утвердить материнский инстинкт в качестве средства социального контроля. Она также обвинила эволюционных биологов в том, что, изучая приматов, они видят в них ответы на вопросы о человеческих матерях.

Хотя Бадинтер отказалась<sup>134</sup> давать интервью для этой книги, в электронном письме она сообщила, что, по ее мнению, нейробиологии есть место в изучении материнства, однако лишь на вторых ролях — после социальных влияний. В своей книге она говорит о том, что связь между людьми и приматами слаба. Окружение, влияние общества<sup>135</sup>, а также индивидуальный психологический опыт матери воздействуют куда сильнее, нежели «слабый голос “матери-природы”», писала она. «Как только мы втянем в этот спор природу, — сказала она журналу<sup>136</sup> *Le Nouvel Observateur* в 2010-м, — обратно нам уже не выбраться».

Я понимаю, что она имеет в виду. Естественная история материнства слишком часто становилась клеткой. Материнский инстинкт, если переиначить метафору Лоренца, стал дверным замком, который невозможно взломать. Однако становление матерью и есть значимое биологическое событие, уходящее корнями в эволюционную историю. Молодые родители действительно переживают заметные нейробиологические перемены, которые особенно сильны для женщин, вынашивающих детей. Отрицание этого факта само по себе является ловушкой, хотя бы потому, что оставляет пространство, которое готовы заполнить устаревшие представления.

Переход к родительству строится на природной гибкости мозга, меняющегося под воздействием гормонов и опыта

---

\* Оригинальное название: *Le conflit, la femme et la mère* («Конфликт: женщина и мать»). *Прим. ред.*

и испытывающего влияние со стороны генов нашего биологического вида и особенностей конкретных новорожденных. Это процесс, в котором есть и резкий скачок, и длительное преобразование. Всепоглощающее и целенаправленное. В первые месяцы, как станет ясно из следующей главы, оно происходит под воздействием тревоги в той же степени, что и под воздействием любви. Когда пребываешь в этом процессе, голос природы может быть похож на что угодно, но он совершенно точно не слаб.

Что случится, если мы взглянем на эту новую науку о родителстве с полным осознанием того, как манипулировали старой наукой? Что, если мы исследуем этот вопрос с учетом всего культурного багажа, который можно привлечь?

Какую историю мы расскажем тогда?

## Глава 3

# Будьте внимательны!

Вскоре после того, как мой муж Юн получил права на управление дроном, он отправился испытать его на Скарборо Марш — болотистый лиман в штате Мэн. Все лето напролет здесь собираются группы туристов, которые гребут в своих разноцветных байдарках по узким протокам в соленых водах болота, распростершего более чем на три тысячи акров. Время от времени мы с семьей гуляем здесь по специально оборудованной вдоль старой железной дороги тропе, которая прямой линией пересекает местность, состоящую сплошь из плавных изгибов. Еще чаще мы катаемся тут на машине, наблюдая, как свежую весеннюю зелень неизменно сменяют белые и серые оттенки зимы — эти извечные приметы времени. Подобные пейзажи типичны для здешних мест. И все же видеоряд, который удалось в тот день заснять Юну, показал нам Скарборо Марш с новой стороны.

Глядя сверху, я заметила, что большие участки, заросшие травой, неодинаковы и не цельны, а разнородны. Зеленые стебли собираются в завитки и ложатся друг на друга, окружая небольшие бассейны с водой и обводя изгибы протоков. Цветовые пятна подсказывают, где располагаются травянистые бугорки, а где канавы, в которых вода испарилась, а соль кристаллизовалась на солнце. Вода становится небом, отражение пышных белых облаков видно сквозь длинные узкие дорожки между зарослями тростника. С такой точки обзора верх превращается в низ. Пространство и время кажутся неразличимыми. Большое состоит из множества мельчайших деталей.

Вот о чем я думала, пока стояла за дверью кабинета МРТ в Йельской школе медицины в феврале 2020-го, пока лаборант получал изображения мозга молодой женщины, матери, лежащей внутри аппарата. Мощный магнит притягивал и определенным образом выстраивал протоны водорода в мозге этой женщины, а затем отпускал их, производя радиосигналы, которые машина переводила в черно-белые картинки, двигавшиеся в виде последовательности изображений мозга во множестве сечений.



[Почитать описание, рецензии  
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

